

Ольга Громова
Донецк, июль 2025

ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

Документальная пьеса

*пьеса написана в рамках курса
документальной драматургии Un/Told в 2025 году*

Катя. Я - украинка из Донецка. И я - свидетель страшного преступления, совершенного в отношении людей моей страны, когда по сути украинцы убивали украинцев. Я не хочу, чтобы оно затерялось в череде других преступлений. Эта идея ко мне пришла, наверное, прямо сразу, ещё шла мобилизация. То есть она у нас, по сути, была с середины февраля и до октября 2022 года. И вот летом уже мне пришло в голову, что это нужно каким-то образом свидетельствовать, вот то, что происходит, потому что это было принудительно, и это было абсолютно неожиданно, и очень много людей погибло, знакомых.

Я даже не брала интервью, это сложно назвать интервью, то, что я брала в 2022 году. Я просто со знакомыми, даже с теми, кто воевал, кого могла выдернуть, мы распивали бутылочку вина и разговаривали, и я это записывала, потому что мне было важно, с одной стороны, понять, как они, и сохранить голос и эту запись. Любое из этих интервью - это дискредитация армии, как ни крути, абсолютно любое берешь и вот тебе готовая дискредитация армии. А сейчас у нас, получается, снимаются фильмы про 22-й год, и в них я вижу, что реальность уже изменена очень сильно. Из неё убрали тот факт, что это было принудительно, что люди не хотели туда идти, что просто людей согнали, как пушечное мясо. А осталось только то, какая-то правда про то, какие командиры могли быть, не все хорошие. А так, в целом, как будто люди как один поднялись и очень сильно переживали, и прям хотели, и какая-то непонятная родина в опасности, непонятно чья. То есть как будто вот реальность подменили. Это так страшно.

Действующие лица:

Андрей - автомеханик, мобилизован 28 февраля

Олег - скрипач, мобилизован 23 февраля

Миша - инженер-строитель, мобилизован 24 февраля

Даня - системный аналитик, уклонист

Клим - организатор массовых мероприятий, мобилизован 23 февраля

Саша солдат - учитель, мобилизован 22 февраля

Саша ребенок - ученик, 14 лет, сын Андрея и Кати

Катя - жена Андрея и друг других мужчин

ВСЁ ЕЩЕ МИР

Миша. Я в начале февраля поехал работать, из ДНР в Украину. Добирались мы коллективом творческим, научным, инженерным через Россию. Въезжали с Белгородчины в Харьков, там проходили таможеню. Тогда моя, ну я на это не обратил внимания, а сотрудница обратила внимание, что было просто дохрена военной техники вдоль этих дорог, вдоль дорог с российской стороны. Вот и мы заехали в Украину и отправились работать. Тогда я, получается, увидел Каховское водохранилище. Мы тогда в феврале на лодке плавали, там был лёд и пересекали это всё на моторке. Обследовали вот эти уникальные опоры посреди водохранилища. И в Харькове я последний раз увидел своего старого друга Диму, который потом погиб. Случайно, просто на улице встретил. Мы не виделись с 2014 года и вот в том феврале, я помню, что еще февраль был такой солнечный и на улице Харькова просто вот солнечный день. Тогда же там какая-то была там финальная стадия коронавируса. И мы тогда решили, что надо еще сделать бесплатные прививки. И я шел, короче, уколиться этой вакциной. И меня просто позвал Дима: Миша! И мы увиделись, обнялись. Вот тогда я его увидел последний раз.

Даня. Я помню, что все началось неожиданно. И вообще не было мысли, что может быть такое вокруг нас, настолько, что это ужесточится всё. Не думал, что оно перешагнет какие-то границы в свободе нашей. И так вышло, что да. В ступоре был. Я четко помню, что я ходил за водичкой, как обычно. Взял вот эту 19-литровую, пошел за водичкой. Смотрю, людей чего-то мало, в магазине мало. Прямо сильно. То есть я знаю, у нас на ЖД не сильно всегда было много людей, но достаточно в плане понять, что как бы живем, да? А тут прямо резко прямо меньше стало. Я даже так стоял в магазине, думал, что спросить, не спросить продавщицу, что происходит. Вот.

Потом нам в тот же день нужно было ехать по вопросам в министерство культуры в центр города. Помню, когда мы возвращались назад, то нас остановили машину и... и другие машины тоже были остановлены, там документы что-то рассматривали, мужчин куда-то пересаживали, и было непонятно, но напряжение уже витало прямо сильное. И потом как-то, ну... пока других мужиков проверяли и пересаживали, подруга за рулем просто взяла и рванула оттуда на машине. А я случайно, я случайно не попал. Вот.

СМС рассылка 20 февраля 2022. Военный Комиссариат ДНР. Внимание! На фоне возможной агрессии со стороны Украины священный долг и обязанность каждого мужчины стать на защиту своего дома и отечества.

СМС рассылка 20 февраля 2022. Военный Комиссариат ДНР. Граждане республики! В соответствии с решением Главы ДНР проводятся мероприятия по мобилизации категории граждан, находящихся в запасе. Просим Вас прибыть в места сбора, указанные в повестке.

СМС рассылка от 21 февраля 22 года. Военный Комиссариат ДНР. Киевом принято решение о наступлении на нашу Республику. Долг каждого мужчины прибыть на сборный пункт и вступить в ряды защитников Республики.

22 февраля 2022. Указ главы ЛНР. Объявить на территории Луганской Народной Республики общую мобилизацию. Осуществить призыв на военную службу граждан мужского пола, состоящих на воинском учете или не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете, и граждан, пребывающих в запасе, возрастом от 18 до 55 лет. Запретить выезд за пределы территории Луганской Народной Республики гражданам мужского пола возрастом от 18 до 55 лет.

Миша. И вечером, 23 февраля, получается, мы переходили таможенную возле Харькова. Сели в автобус на Донецк. Дремали, вдруг в автобусе люди начали говорить о том, что началась война. Передо мной сидела женщина и она плакала, короче. А у нее кто-то там, то ли в Киеве, короче, дети, дети. И дети ей позвонили, что Киев бомбят. И так началась война 22 года, то, что сейчас называется СВО. Чуть позже, еще на территории России, мне позвонил мой отец. Это была ночь и он говорит, что Алексею, сыну получается, сказали явиться в военкомат. Из деканата позвонили, сказали, ну буквально там в этот же день, 23 февраля. Вообще там все так хитро было, я так понимаю, продумано, да? То есть к этому всему делу готовились долго, но вот даты они прям очень круто придумали. Они же 22-го, получается, как бы признали республики. 23-го все, короче, сели отмечать День защитника Отечества. Там, наверное, это ж мужчинам какие-то тосты, подарки. И на следующий день начинается вот эта типа освободительная такая война. И понятное дело, что это на таком определенном моменте как бы людей сподвигли. Ну ты же блин там защитник, отправляйся защищать. Ну и вот 23-го получается сыну позвонили, сказали явиться в военкомат. И я вот ночью говорю там отцу, что никто никуда не идет, ни в коем случае, ни в какие военкоматы сыну не идти. А я 24-го уже приеду. И в автобусе я еду, и проводница говорит, что там уже после таможни стоит блокпост, и там всем мужчинам до определённого возраста повестки вручают. Ну, я понимаю, что мне вручат повестку. Приехали, подъехали к этому блокпосту. У меня внутреннее прям такое сопротивление. Да, вручайте, что хотите. Ни на какую я войну не пойду. Идите вы в жопу. И мы попали на этот блокпост. Вышли мужчины. Там был какой-то чувак, видимо, с военкомата, который в журнальчик нас всех записывал и всем писал повестки, на основании паспорта писал адрес. Явиться в течение двух суток. Я помню, что там были молодые ребята на этом блокпосту. Для меня они такие люди, которые не понимали, что происходит, дебильного вида. Они решили пошутить. Они у нас спрашивали, ты кем хочешь быть? Штурмовиком, танкистом или десантником?

24 февраля 2022. Повестка. Приказываю Вам в течении 48 часов с момента получения повестки явиться по адресу: Макеевка-14, ул. Малиновского 2а. Для мобилизационных мероприятий. За неявку в указанный срок Вы будете нести ответственность в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики.

МОБИЛИЗАЦИЯ

Клим. Я пошел в магазин. Мне просто нужно было интернет пополнить. Я пошел. У нас там есть такая телерадиокомпания. Как она называется? Короче, забыл. А, Городское строительство. Это было 23 или 24 февраля и они остановили меня, и повезли в военкомат. Спросили сначала про документы и я такой показал, у меня там был ксерокс паспорта, они такие, вы знаете, сейчас вот мобилизация, давайте пройдемте с нами, я пошел, в автобус меня посадили, там уже человек 15 пацанов таких вот, разного возраста. И как будто я пришел вот сам, здарсьте, я вот пришел, там трали-вали, тили-тили.

Олег. Я работал и в оркестре, и в музыкальной школе. Мне позвонили из школы 22 февраля. И уже 23-го утром мы пошли в военкомат, а все из оркестра попали 23-го днем. Чуть-чуть опередил директор школы директора оркестра. И мы с Илюхой попали. Школа сказала, что надо вам явиться в военкомат, сказали документы просто проверить. Сначала позвонил директор, говорит, там звонили из военкомата, завтра надо явиться. Я, ну, хорошо, но потом думаю, не, ну, перезвоню, что надо с собой брать. Спрашиваю директора, он - просто документы, сверка документов и все. Даже телефон без зарядки был. С одними документами. Потому что для сверки нужны были и документы про образование, все дипломы. И прямо оттуда и поехали, вот как пришли, вот так и поехали. Сначала на мясокомбинат. Звучит очень символично. Мы тогда сразу с Илюхой, как помню, заметили, что символично получается. Мы тогда еще не испугались, но понятно было, что что-то такое странное. Нам сказали, что вы не переживайте. Вы нужны на всякий случай, для помощи, где-то там на третьих-четвертых линиях, там в тылу будете помогать что-то, а так все профессионалы все сделают.

Катя. Ну, он попал, скрипач вообще, и он говорил мне, мы что там должны, смычками отбиваться? И когда я вот у него в конце интервью спросила, а как бы сейчас, если бы ты вернулся в то время, ну вот, и знал, что можно прятаться, ты бы принял решение прятаться? Ну, мне просто было самой интересно, потому что я его лично тогда просила прятаться и хотела спрятать. Он говорит, нет, не прятался бы. Почему? - Меня так воспитали. Я спросила, что ты имеешь в виду. Он сказал, есть же отечество. И я после этого, если честно, не смогла дальше ничего спросить, потому что он вообще к нам в Донецк из Украины приехал уже после 2014 года в консерваторию поступать.

Андрей. Мы с братом подумали, что сильно прятаться мы не будем, ну что как бы если суждено, мы туда попадем. Рано или поздно. Сидеть безвылазно дома мы не планировали. Мы для себя решили, что это как бы и не по-мужски, прятаться, сидеть, а типа женщина будет там бегать, где-то зарабатывать, искать деньги на то, чтобы нас кормить, пока мы сидим в подвале, ну это смешно. Но как бы это одно. Второе, что... Я не знаю, как это... Мы с братом покупали детали в автомагазине и, выходя из магазина, рядом с магазином остановился грузовичок, вышли два автоматчика и попросили нас проехать с ними в военкомат. Дальше нас в военкомате опросили, ну, установили личность, Сказали, что можно взять с собой, но чтобы родственники подвезли или кто-то. После этого нас отвезли в воинскую часть в маленький городок. Распределили на ночлег в разные места, потому как автобусы привезли большое количество людей. Нас по всему городу распахали. Кого-то в учебные заведения, в школу и в техникум, кого-то в другие места, монастырь. Мы жили на так называемом ИСЭРе. Это инженерно-саперная рота. Жили у саперов.

Катя. Муж попросил привезти ему вещи в военкомат. Я так собирала их сосредоточенно. Ребёнок потом в тот же день спросил, как это у тебя получалось. “Я смотрел, восхищался, потому что папе так же гораздо легче, когда ты собираешь вещи и думаешь о том, чтобы ему было там легче, и не выносишь ему мозг”. А ребёнок мог только плакать.

Саша ребенок. Я просто помню, что когда мы приехали, была регистрация, она была как будто в каком-то спортзале. И мы туда подошли спросить про папу, ну, куда нам идти, чтобы найти его, чтобы передать ему какие-то вещи. Я помню, что тогда женщины, которые сидели вот за этими столами, так удивленно, ну, даже испуганно посмотрели на меня, что, ну, такой молодой, тебя не пустим, и это так было лицемерно, как будто потому что молодой не пустим, какой вдруг героизм из-за того, что просто я моложе на три года, чем люди, которых они пускают воевать. Я не хотел, конечно, воевать. Мы просто передавали вещи папе, но это был очень странный момент. И когда я сейчас об этом думаю, он показывает, насколько люди не дают себе отчет в каких-то своих действиях. Почему им сложно отправить ребёнка на смерть, который ребёнок и морально, и легально, который несовершеннолетний, но людей, которые только закончили школу, которым 18-19, их отправить можно. Но события эти, воспоминания о них, правда заблокировались, я когда пытаюсь о них думать, ну я просто как пятно отстиралось отбеливающим порошком. Ну я просто не могу найти вот эти пятна.

Катя. На следующий день я узнала, что муж попал в самое боевое распределение и прямо на острие нападения. Это уже было даже не шок, а как будто снаряд разорвался в метре от меня, вот такое состояние. Видела его потом периодически. Каждый раз думала, что это не последняя встреча.

Хотелось плакать. Но голова тупо болит от этого, а плакать не получается. А я убеждала себя, что ни в чем не виновата, что... Ну, не верила себе. Я же могла не выпускать его на улицу, прятать. И, в общем, не знала, как сделать так, чтобы вернуть всё вспять.

Я когда сейчас спрашиваю, что значит «мы решили не прятаться»? И он так...» да мы же не такие, чтобы вот это вот сидеть». Это прямо... С одной стороны, не может описать, почему не прятаться, с другой стороны, пренебрежение такое к тем, кто прятался.

Интересно, что вот в обычной жизни до... в обычной жизни до войны, в нём не было каких-то прямо стереотипных моментов. Когда мы были молодыми и женились, ему предлагали... Он такой вообще спортивный очень муж, очень одарённый в физическом смысле. И ему предложили куда-то пойти в... я не знаю, как это называется, ну вот какое-то спецподразделение службы безопасности Украины, Альфа называется, это какой-то прямо там спец-спец-спец, ну как типа морские котики какие-нибудь. Вот. И я ему сказала, что да, ну вообще-то, конечно же, ну... как человек можешь идти куда хочешь, но я с человеком, который работает в службе безопасности любой страны, я с таким человеком жить не буду. Тебе просто с этой работой придется и жену поменять. В альфу он не пошел, тогда вот как бы любовь победила.

Олег. Мы когда с Ильей ушли, Володя пошел сам, из-за нас. Володя у нас друг, мы в училище учились, вместе мы так давно. Мы когда уже были в Иловайске, он там звонил - где вы, пацаны, типа я не могу здесь сидеть спокойно, когда вы там. Он пошел из-за того, что за нас переживал. Мы с Илюхой говорили: Сиди, не надо, оно не стоит того, потому что оно уже понятно, это не так, как в фильмах, когда все ради идеи, все друзья, братья, и все говорили ему сиди, но он пошел и всё.

Андрей. Ну, с улицы были практически все. Ну, с нашей роты было только, наверное, 3-4 человека, которые пришли добровольно. А так, кого с работы, кого как. Люди были разных специальностей. У нас, получается, взводник наш из водоканала был. Был у нас мужичок, который работал в санэпидемстанции. Его мобилизовали из очереди за водой, он стоял и его прям из очереди и забрали с баклажкой. Были ребята, которых с работы отправили поставить отметку в военкомат. Ну и с военкомата они уже сразу поехали в военную часть. Были студенты, которых из техникума отправили. Были отец с сыном. Это когда сына призвали из учебного заведения, и отец пошел с ним, чтобы не оставлять одного. Чтобы был под присмотром. Был у нас мужичок, который проработал практически всю жизнь на автокране. По возрасту он уже был пенсионер, пришел сам. Ему на момент, когда он пришел, было 63 года. Мы у него еще спрашивали, типа, а зачем? Он сказал, ну новости я и по телевизору могу посмотреть, ну а тут от меня хоть какая-то польза будет.

Но и польза от него была большая. Везде, куда мы не приезжали, он сразу оборудовал кухню и как бы занимался готовкой еды для всех. Потому как у нас не было с собой ни полевой кухни, ничего, ни газовых баллонов, то есть даже о посуда находилась просто вот в каких-то брошенных домах. И из того, что у нас было, он всегда хорошо готовил. Это было очень вкусно, несмотря на скудность тех продуктов, которые у нас были. Но когда у нас получалось подстрелить зайца, готовил и зайца. Вот.

Миша. У меня такое сопротивление внутри. Никакой войны, никаких армий, вообще ничего. У меня такая твёрдая уверенность, что так делать не надо, но оно внутри грызёт. Потому что вот узнают, вот что сын тут, вдруг будут ходить по жилью, забирать, молодой пацан, 18 лет. Еще получается вот это давление от родственников. Жена на меня не давила, но она как бы тоже так... Тёща позвонила, "Миша, надо идти, потому что государство". Какие-то аргументы, зёрна сомнения от родственников прилетали. Я всё время думал про сына, что делать. Не дай бог начнут ходить по домам, загребут и меня, и его. Хотя, наверное, надо было как-то по-другому, наверное, думать.

Я не спал. Я не бухал, я не спал, короче, я не знал. То есть Света рядом заснула в конце концов, то есть я такой лежал и думал. И утром такой сказал, что я поеду, я поеду. Ну то есть это чтобы не подставлять сына, потому что ну блин, ну как? Ну пусть лучше я там окажусь.

Ну, короче говоря, я подумал, что, ну, может, стоит рискнуть, сыграть в эту игру, пойти, блин, со своим белым билетом, да, вот, чтобы, по крайней мере, за мной домой не пришли и не забрали нас двоих. Да, я с утра... То есть прошло ровно двое суток. В 7 часов утра я в автобус сел, поехал в военкомат. А там вообще не разбирались. Говорят, иди... Иди к ДК Поченкова, это в моем районе. Там будут разбираться. Я туда прихожу, там уже какая-то комиссия записывает что-то, подогнали автобусы. Там куча ребят, шахтеры. В основном были шахтеры, ребята с производства. Нас просто в автобус грузят. Я говорю, а у меня белый билет. Да там потом разберутся. Странно, в военкомате нет никакой медкомиссии. Ничего нету. Просто грузят в автобус, отправляют в часть. И тут я уже еду в автобусе.

Ну и поехал. Вот. И в автобусе у меня, помню, случилось такое состояние, короче... А что теперь от меня зависит вообще? Что, если там ничего никто не выясняет, да? Что от меня вообще, в принципе, зависит, да? То есть меня куда-то везут. Вот. И тут уже состояние такое, типа... Ну, блин, фиг с ним, короче. Что будет, то будет. И какая-то такая... апатия

Катя. И мы с сыном поехали туда, где были согнаны эти мужчины из Донецка, передать все эти вещи и хоть увидеть его, моего мужа. Их держали в школе. Да, как-то... Мужчины были все... Было очень трудно смотреть, потому что у всех мужчин был даже не пустой взгляд, у всех был несчастный загнанный взгляд, какой-то, не знаю, как у каких-то больших животных, типа косуль или лошадей, какой-то такой вот. Очень такие тяжёлые грустные были взгляды у

мужчин, непонятные.

После этого мы вышли с ребёнком, мы как бы остались одни, вообще непонятно, что было. И мы зашли в магазин, купили пельмени. Я вдруг подумала, что теперь мне надо покормить ребёнка, потому что теперь мне надо следить за ребёнком. Это пока что всё, что осталось от всего, что у меня было в жизни, ну как-то так. Как-то мы ели, вначале было очень грустно, потом даже шутить начали, потому что вообще... Очень тяжело в таком миноре находиться.

Олег. На мясокомбинате мы провели целый день. Одели нас. Обмундировали. Одежда современная, окрас современный, все остальное, конечно, без бронежилетов, железные каски советские, котелки советские, все старое. И после мясокомбината нас перевезли в военную часть в другой город. Временно. До 28-го февраля были там, с 1 марта сказали, что телефоны забирают. И я отправил девушке, с которой переписывался, смс. Я думал, вдруг, вдруг... Ну в общем, уже не успею ничего сказать, написал, что люблю. Из-за вот этой стремной мысли, что будет дальше, вдруг это все. Вдруг я не успею так сказать, ладно уже.

Миша. У всех людей были просто тормозки, какие-то вещи переодеться, всякие трусы, носки. Я с собой не помню, мне кажется возможно я взял спальник, а может и не взял, вот, я не помню. Я помню, что мне жена, короче, привезла мивину (*украинский доширак*), какой-то хлеб там, может сало, которое я сам солил, ну то что такое очень простое. Ну там носки, трусы - вот это вот то, что я помню. А, и блин еще тоже такой неприятный момент, то есть она приехала, привезла мне пакет, она даже сходила короче буквально в АТБ рядом, там ну не АТБ, там Республиканский тогда называлось, купила там эту мивину. И блин, что было для меня еще неприятно, она затарилась сразу - накупила этой мивины, каких-то там, не знаю, там плавленых сырков, накупила короче сыну Алексею, на случай если, его загребут. Типа, чтобы ему тормозок собрать, ну блин пиздец короче.

смс от Саши Кате

27 февраля. Катя, я напишу тебе список, мне реально неудобно(Просто как мне кажется бюджет не маленький. Посмотри, пожалуйста, и удали, что на твой взгляд лишнее. В любом случае моя благодарность уже огромная за поддержку и за помощь, во мне прям растет дух.

Продукты:

Сало

Лук

Чеснок

Сахар

Чай пакетики

Кофе растворимый

Личная гигиена (отсутствует у меня):

щетка
паста
мыло
хозяйственное мыло
шампунь
бритва
маникюрный набор
туалетная бумага
нитки и иголки
влажные салфетки
Отсутствуют у меня и элементарные вещи как:
трусы боксерки
носки
майка
Пайта (*диалектное название толстовки, распространено на юге и востоке Украины*)
Гольф
Термо
Рабочие перчатки
Перчатки
Сигареты - важное как стратегически так и элемент успокоения и отдыха
Пакеты для мусора
Несколько плотных пакетов.
Меня задержали на остановке, уехал в чем был(
собаку просто домой дали завести
Кать!!! Расческа! шапку не снимал 6 дней, с волосами писец
и сладости ох как...))

Катя. Он выгуливал собаку, его остановили на улице и забрали в военкомат, а потом отправили на фронт. Отправили таким, как он был, прямо на улице. Я передала ему всё, и спальный мешок, потому что спали они на полу. А с 6 марта связи с ним больше не стало и нет до сих пор.

Я не могла поверить, что такое может произойти, что людей будут на улице ловить. У нас же как бы всегда тут было беспокойно - то обстрелы, то еще что-то происходило. У нас тут комендатура была, комендантские часы. То есть мы жили несвободно и жили очень странно. Понятно, что люди в какой-то мере к этому привыкли. И просто казалось, что это может быть какое-то временное ужесточение каких-то мер.

Даня. Я решил прятаться. Я понимаю, есть книги там про войну, есть там игры, стрелялки. Это как бы как раз и выплеск, это используют как разрядку. А вот когда в реале какая-то война начинается, для меня это просто непостижимо, когда тебе дают автомат и ты лишаешь кого-то жизни, ну нет у меня права лишать кого-то жизни только из-за того, что у меня одни принципы, у кого-то

другие принципы. Я не знал, что делать, я был в ступоре. Потому что я там жил один. И в Донецке же воды не было и продукты надо было как-то покупать, а выйти было нельзя - окажешься на фронте. Мне предложили, что меня перевезут в багажнике в более безопасное место, где есть и подвал, и где есть другие люди. Я сразу согласился, для меня это был выход, чтобы хоть на какое-то время сохранить то ощущение, что я никого не убил и что меня не забрали. Вот. И меня под вечер, потому что меньше машин, в багажник положили. Быстро я прям так выбежал и в багажник залез, там всё постелили, всё такое. Там всё убрали чистенько. Вот. Я лёг и ждал, что да как. А меня ещё сверху так накрыли. Кажется... или одежда, или одеяло. Ещё вещи некоторые с собой увёз. Вот. И ехали, а впереди в машине сидел возле подруги-водителя ее сын подросток, на случай проверки или остановки.

Разъяснение прокуратуры ДНР. Уголовным кодексом ДНР предусмотрены уголовные наказания за дезертирство, самовольное оставление места службы, уклонение от военной службы, в том числе - путем членовредительства, неисполнение приказа, неявка на службу, уклонение от призыва. За данные преступления виновному лицу может грозить от 5 до 20 лет лишения свободы.

Андрей. У меня есть знакомый, которого, ну, не то чтобы выгнала жена, но просто человек работал в цеху по ремонту головок блоков цилиндров. Ну, токарный цех. Он был хорошим аргонщиком. Когда вся эта движуха началась, естественно, с работой стало хуже. Спустя очень короткий промежуток времени к ним еще и в цех прилетело, прямое попадание. И получается, что ну его тупо допилила жена, поскольку вот типа ты сидишь дома, денег нет, а вот там платят деньги, ну и короче он пошел таки в армию.

Катя. Я ловлю себя на том, что периодически мне хочется возненавидеть всех тех, кто не мобилизован, или у кого родные не мобилизованы, и ненавидеть тех, кто участвует в системе отлова мужчин, и тех, кто открывал шампанское за празднование, за признание ДНР, и тех, кто пишет в сетях «наши ребята наступают» или какую-нибудь другую херь с войной и победой в голове. Когда ловлю себя на этом, что подкрадывается ненависть, я останавливаюсь. Очень часто думаю о том, как живое становится неживым. Вспоминаю о том, как мои украинские друзья советовали класть в карманы семена российским солдатам, чтобы не зря. Почти получается заплакать и не получается, потому что что - теперь моим друзьям тоже положить в карманы семена? Была мысль сжечь себя на Красной площади. Гуглила, как это сделать правильно, чтобы не остаться жить калекой. Понимала, как больно будет ребёнку. Чуть не заплакала, пока это гуглила. Понимаете, всё время сил нет, хочется выть. Не получается даже заплакать.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Андрей. А уже через день нас построили на плацу, после гимна и всех речей. Вот нам начали раздавать назначения. Вот, говорили там, к примеру,

- Иванов,
- я,
- выйти из строя
- есть.

И вот человек подходил к комбату, он:

- оружие в руках держал?
- нет
- похуй, будешь снайпер

На тему водительских прав они спрашивали при регистрации - есть, нет, ну и как бы я не знаю каким образом по алфавиту или пальцем в небо они отобрали людей которые были водителями, ну, которые имели права и которых назначили при распределении на должность водителя

И вот их когда вызывали, спрашивали,

- водительские права есть?
- Есть.
- Машины нет, но к вечеру спиздить. Будешь водитель.

Вот. Но по итогу вот так получилось, что когда нас повели на полигон стрелять, из наших снайперов со 100 метров, со снайперских винтовок в ростовую мишень никто не попал. Хотя как бы мы вот с калашей туда укладывали, кто как попадал, были ребята, которые вообще не попадали, но их процент был невелик. Снайперы все не попали, да. Их оставили снайперами.

Калаши нам выдали утопленные в воде. То есть ящики были с водой. Ящики были деревянные, в них была вода. Вроде как трофейные, ну как нам сказали. Насколько это правда, не знаю. Ремни были, они просто рвались у всех. Ребята мучались, вязали узлы. Потому что первое время мы не имели возможности выйти на рынок и купить какую-то амуницию. То, что выдали, нам не хватало или было неудобно. За первую неделю наш взводник, например, растер себе большие пальцы ног до костей. До костей. Ну, видимо, наверное, не тот размер и неудобная обувь, да. То есть у него, может, нога там полная. Он парень был крупный. Как бы ему там посыпали какой-то штукой, чтобы оно хоть как-то заживало побыстрее.

Клим. Меня зачислили в списки, там, какой-то воинской части. Потом они распределяли уже через 2-3 дня. Ага. Вначале всех туда оформили, поселили... Я вот даже не знаю, как они всё это делали. Вообще не понимаю, как. То есть... Спрашивали, спрашивали. Я же сразу сказал, что я учился в колледже культуры. И меня спросили, отличу ли таблетку от витаминки. Сказал, что отличу. Отправили в медроту.

Миша. Нас построили. И задали вопрос. У кого есть ограничения по здоровью? Я говорю, да, у меня ограничения по зрению. Женщина говорит, да это вообще не важно, что там зрение. Ну, у меня там минус 9, минус 12. Тут они задумались. А я так, минус 9, минус 12, довольно огульно сказал, я там точно сам не знал, сколько у меня зрения, так сказал. Они так подзадумались там. Да нет, что-то, наверное, это много. Ну то есть, у них какого-то точного представления не было, видимо, там, ну что-то шестеренки в мозгу работали, что-то это много. Ну иди, короче, в медроту.

Я туда пошел, там уже стояло какое-то количество таких людей, которые там типа с диагнозами. Но их практически всех, вот всех, кто передо мной стояли, их всех разворачивали. Кто-то жаловался на сердце, кто-то еще на что-то жаловался. Ну вот тебе таблеточка, вот тебе еще чего-то. Я, короче, там был последний. Зашёл, говорю, у меня там зрение плохое, минус 9, минус 12. Ну, начал рассказывать подробно, какой же у меня диагноз, у меня там кератоконус, это редкая такая болезнь. Говорит, документы есть? Я говорю, нету, потому что меня вот просто погрузили, я ничего, никаких документов, ничего нету. Вот. Этот, короче, молодой парень там начал там в телефоне что-то гуглить, что-то там гуглил, гуглил, гуглил. Говорит, знаешь, наверное, ты нам такой здесь не нужен. А вообще служить хочешь? Я говорю, нет, я не хочу, у меня трое детей. А кто ты по специальности? Говорю, инженер-строитель. А, ну ладно, короче. И они просто, блин, получается, он берет такой крошечный-крошечный листик бумажечки такой, и на нем пишет. Не годен. Ни подписи, ни фига. Дает мне эту бумажечку и говорит, все, иди, короче, домой.

Мы там ночь просидели, все, кого признали негодниками. Но еще там было два человека, то есть среди вот этих всех негодников, получается, люди, которых дернули с генделиков. То есть люди пьющие, ну реально там до белой горячки. То есть которые на стакане сидят, им нельзя короче прерываться. Вот один из них он там сидел, его трусило-трусило. Я думал, что он больной просто, дали ему чайка попить. Он что-то типа вдруг увидел, короче, он ругался, он начал, ну, бузить, он стекла побил, короче, его потом связывали там, блин. То есть, человека, которого нельзя было дергать, вот откуда-то из-под этой алкоточки выдернули...

Февраль месяц, короче. На улице какие-то картонки положили, спали. Это какое-то легкое обмундирование галимое. Кто-то заболел, кто-то обморозился. Случайных людей вдруг оказалось, что они военнослужащие, что они что-то вроде типа делают, а ни навыков, ничего. Мне очень крупно повезло, что я попал всего на пару дней и из-за зрения смог вернуться домой. Я прибухивал пару месяцев сильно.

В стадию отторжения все ушло. Ты еще новости читаешь, узнаешь, что труп на трупе и трупом погоняют. Эти шахтеры, которых туда отправили, ну половины же их нет в живых. И так далее, и так далее. И все это до сих пор никак не заканчивается. Сын сидел там, прятался. Мы к нему иногда ходили.

Катя. Перед восьмым марта у мужа и его брата взяли телефоны близких, чтобы сообщить в случае, если они погибнут. У обоих это оказался мой телефон. Я теперь боюсь брать трубку, когда звонят с незнакомого номера. 8 марта, все отдыхали, шел снег. По городу ходили только женщины. Я пыталась свернуть наш маленький кофейный бизнес, чтобы спасти оборудование до лучших времен. Сама расталкивала автобус, кофемобиль. Я понимала, что жизнь никогда не будет прежней. А какой она будет?

Саша ребенок. Ну, я старался не думать о том, что с папой может случиться физически. Но меня пугало, что может произойти с ним морально. Я очень хорошо помню, что я как-то говорил с мамой, и она расплакалась и сказала, что это вообще отдельная тема, но, нет, начала она с того, что она не знает, как она сможет жить с человеком, которому пришлось убить другого человека. Она это даже не так сказала, не пришлось, а с человеком, который убил другого человека. Но это тема для будущего. Ну, когда всё закончится, когда будет понятно, что папа выжил, но ему пришлось убивать. Я так боялся, что закончится вот таким распадом семьи. И я так сильно боялся услышать вот это, что я даже не спросил, что она имела в виду. Я боялся за папу во многих очень планах. И в плане того, что он, ну, банально может умереть. И в плане того, как ему там... Даже, ну, в атмосфере хуже, чем в одиночестве. Среди непонятно каких мужчин, ну, на войне, я... очень сильно боялся и за тело своего папы, и за своего папу. Ну что, тот человек, которого я знаю, может очень сильно измениться в связи с этими обстоятельствами.

НА ВОЙНЕ

Андрей. С самого начала нам говорили, что ребята, вы тут дней на 10, максимум месяц, и как бы поедете по домам. Вот, но... Через 10 дней мы поняли, что мы не на 10 дней, что чуть-чуть на побольше. В Мариуполе, когда у нас уже пошли потери, дошло осознание, что это всё по-настоящему и будет достаточно жёстко. То есть это не просто побегать в форме с автоматом. Да, по Мариуполю пришлось поездить. Даже... Ну, собственно, пришлось поездить еще до того, как в нем навели порядок. Мы видели очень много тел мирных жителей, которые возле Азовстали были, на улице просто усеяны по обе стороны дороги. В общей сложности, наверное, было около 50 человек, может даже больше. Из-за того, что погибли они зимой, тела были как будто замумифицированы, то есть они не разложились, они вот так. Кожа была желтого, почти коричневого цвета, обтягивала черепа.

Олег. Как нам говорили, повезли нас в Херсон, охранять порядок. Мы поехали на поезде, поезд набили плотно. Ехали через Россию, через Крымский мост. Видно ничего не было. Ночью ехали. И там высадили, не помню, за сколько километров до Херсона. Мы смотрим, тут лес, там поле все, где-то вот там нам

сказали, вон то Херсон, вот сейчас там дочистят и потом поедem туда охранять порядок. И вот мы дней 5, наверное, где-то вот здесь, в этом лесочке, были. Еще когда учился в школе, нас когда-то еще возили пострелять, я не помню сколько там стреляли, 11 патронов было, в школе еще. А тогда, когда выдали автоматы - по 9 патронов выстрелили, и вот уже мы научились. Ну и тоже, оружие ржавое было, там, 80-е года там еще. Вот если б не ребята, которые с 14-го года воевали там... Они подсказывали, что как сделать, как себя вести. Поэтому, если бы не их советы, то могло бы быть всё и хуже для всех. Потому что, так как рассказывали, что нас должны обучать, хоть чему-то учить, но этого ничего не было, ничему нас не обучили. Благодарность вот этим ребятам, которые... кто-то из них погиб тогда сразу, когда нас уже дальше перевезли.

Саша солдат. Ну вообще первую травму я получил, ну легкую такую контузию, благодаря тому, что опять же это неопытные все ребята и просто не понимающие, что делать. Да, дается приказ стрелять куда-то туда, да, я стою как бы на своей огневой позиции, рядом ко мне подходит человек, который в наушниках, у которого глаза горят, видимо, от страха и от ужаса, что ему надо делать. Он с РПГ просто стреляет, но он стреляет рядом с моим ухом, я глохну, и из уха течет кровь. И я такой на него смотрю и думаю, ну и нахрен ты это сделал, подойдя ко мне? А потом понятно, он просто этого не знал, не понимал. Откуда он мог это знать? И санитар у нас, соответственно, такой же специалист, как и наши РПГшники, как и наши, как мы говорим, артиллеристы.. Вот.

Олег. Нас как бы всех выгрузили и сказали, остаётесь охранять колонну, а какая-то часть пошла туда, в промзону, на разведку. Мы лежим, весело всем, хорошая погода. Мы ж все такие разные, мы музыканты, кто-то там на заводе работает, кто-то там на вокзале, проводники, кто-то служил, кто-то не служил, если ничего не объясняли нам - как мы можем знать как вести себя в такой ситуации? Нам сказали сидеть здесь, охранять, ну, мы лежим, не стоим, не ходим, мы легли и типа охраняем. Смеемся, шутим, весело. А тут начинает свистеть уже над головами. Мы раз, уже не смешно, к земле прижались, лежим, и никто не знает, что делать. Командиров таких не было. Взводные какие-то. Такие же люди, как мы. И им же тоже никакой команды не было, что там делать в таких ситуациях. Ну, лежим ждем. Начинает свистеть уже чаще, чаще, началась стрельба посерьезнее уже и пошли взрывы, в нашу сторону взрывы. Ну и сказали, отступаем. Ну и мы поползли. А, сначала меня ранило. А потом уже там была команда отступать и уже все поползли. Ну, ползти я мог наверное на адреналине, потому что потом я и сам удивился, как же полз. Приходилось проползать мимо тех, кого убило, с кем я сейчас лежал и шутил....Нет, ну, я...Ползешь и ползешь. Пока есть силы какие-то. И даже не сильно было понятно, куда ползти. Был момент, я подумал, все, сил нет, ну его, просто полежу.

Андрей. У нас был комбат, который просто мог вот... Ребята рассказывали, мы пересекались, они говорят, мы куда не пойдём, у нас минус 20-30 человек. А ходили каждый день. И когда посылали там через поле брать ствол шахты, они говорят, да нас же всех постреляют сейчас, пока мы дойдём. Он говорит, ну и что, у меня следующая рота готовится на полигоне. Поэтому в расход пускали толпами по безголовости.

Данные Восточной правозащитной группы. По состоянию на середину июня в Донецкой и Луганской республиках было принудительно мобилизовано около 140 000 человек, из которых до 96 000 были отправлены на фронт, а остальные — на тыловое обеспечение. Нет данных о количестве погибших мобилизованных из республик, возможно, это до 30 000 за первые пять месяцев.

Андрей. Потери к августу я думаю перевалили за сотню тысяч точно. Ну, это понятно, и можно прикинуть просто потери в сутки. С февраля по август, вся пехотная сила, процентов 70-80 - это были мобилизованные, россияне или какой-то спецурсы было совсем немного, ну плюс артиллерия тоже они. Все остальное, все силы для штурма - это были мобики. Без подготовки, без броников, нас дразнили “стальные каски”. Эта каска по сути защищает только от комков грязи и осколков на излете.

Когда мы пересекались с российскими военными, они говорили, какого хрена вы тут забыли? Кто вас вообще сюда прислал? Потому что, ну, вы опоздочили редкие, вы только мешаетесь под ногами. Ну и смеялись как бы с наших потерь ну смеялись, в каком плане, просто говорили: ребята кто вас учил, вы заходите в подъезд 100 человек, выходит 20, ну как так можно штурмовать.

Саша ребенок. Папу же мобилизовали где-то в феврале, в начале марта. И в середине апреля моя мама меня вывезла. Потому что прогнозировалась какая-то горячая фаза в Донецке. И мама просто убедила меня, не помню, на две, на три или на пять недель, она меня увезла в безопасное место. Но всё затягивалось, мне мама даже начала давать какие-то... Какое-то, по-моему, денежное вознаграждение. То ли за неделю, то ли за месяц. Наверняка вначале за неделю. Потому что если бы вначале она мне дала за месяц, я бы точно поднял бунт. Я не помню, до каких пор вот срок всё откладывался и откладывался на какие-то незначительные, маленькие, ну, чекпоинты. Я неделями думал, сколько мне ещё здесь одному оставаться. Но больше всего я, конечно, боялся за папу, потому что он к опасности ближе всего был. И очень сильно боялся, когда мама была не со мной, а в Донецке. Потому что я знал, что если что-то случится с папой, она не будет мне говорить до тех пор, пока не приедет, пока не сможет сообщить мне об этом вот так вживую. И это меня пугало больше всего, что я какие-то, ну, несколько дней или недель буду продолжать жить, там, говорить с разными людьми, улыбаться,

смеяться, ну, просто какими-то повседневными радостями наслаждаться, когда вот такого человека уже нет.

Даня. Короче, я узнал... Илья, мы репетировали с ним спектакль Человек из Подольска, я был человек из Подольска как раз, а он был ментом. Вот. И он в универе тогда и работал, и учился на последних курсах. И как-то неожиданно бац, и он тоже пропал с поля. Я ему писал, он мне не отвечал.. Потом я позже узнал, что ну вот он погиб, и ему как бы хотели давать... Его сослуживец, который жив, он рассказывал, что он отказался автомат взять. И как бы я помню, что у меня такие же были точно мысли, когда я сидел взаперти, что если что, я не возьму, буду отказываться. Вот, Илья тоже отказывался, в этот момент я узнал, что мы могли бы знать друг друга и понимать друг друга еще лучше. И его отправили делать эти укрепления, строить, потому что он отказывался от автомата. И вот его снайпер снял. Ну, сняла. Оказалось потом позже, что это снайперша была, и вот она сняла его, ее потом поймали. Да. Его родственникам сообщили, что много людей погибло вот там на этой точке. И среди них может быть он. Потому что там его личные вещи были, какие-то браслеты. И это наводило на мысль про Илью. Потому что они не сразу нашли труп. Потом, может, нашли. Потому что были похороны. Что хоронили, я не знаю..

Андрей. В Новотроицком была частично разрушена больница, полностью разморожена система отопления. Ну, мы туда попали в марте месяце. Уже начинало выходить солнце. Ну, достаточно хорошо, тепло было днем. И люди просто выходили погреться на улице. Готовили все на кострах. Объединялись группами. Ну, видимо, так было проще. Ну, потому как дрова были не в таком достатке, как хотелось бы, ну, и готовили большими кастрюлями. Основная масса работала на новотроицком карьере. Вот. То ли рудник, то ли... Ну, короче, какое-то большое градообразующее предприятие. Практически весь город ходил в куртках этого предприятия. Поэтому жители достаточно дружные, помогали друг другу. У нас с ними никаких проблем не было. Иногда нам показывали какое-либо место, где есть какие-то боеприпасы, чтобы мы их убрали. Так вот мина была в одном месте брошенная. Ну, сообщали о взламываниях домов, ну, если кто-то пытался мародёрничать. Вот, это пресекалось. Ну, так, в принципе, я думаю, что своим присутствием мы уже вносили какую-то... упорядоченность. Ну, там, собственно, глава новотроицкого совета успел поставить на коммерческие рельсы продажу гуманитарного хлеба. Тот хлеб, который должен был привозиться и раздаваться, он перехватывал и продавал. Но эту схему тоже вскрыли и он получил по ушам потом. Мы были в батальоне охраны, поэтому задачи у нас были больше охранные, но когда попали в Мариуполь, это правда не сильно помогло против нашего начальства, они вывезли весь склад алкогольных напитков. Вывезли так же офисную бумагу, упакованную в ящиках для принтеров. Бытовая техника со складов вывозилась, было три фуры которые не останавливаясь мотались в Мариуполь

и из Мариуполя. Также менты много повывозили хороших машин, мотоциклов, большие плазменные телевизоры. Люди которые были нам не подвластны, они могли вывозить все что угодно в принципе.

Саша солдат. Ну, было такое, стреляли ребята просто среди своих в своих, в основном от того, что выясняли, пытались ребята выяснять отношения, что какого фига мы здесь находимся, как всех здесь это все задолбало, что кто-то там у кого-то чего-то нет, и соответственно в алкогольном опьянении просто-напросто, не понимая, куда целятся, просто произвели выстрел, и попали в меня.

Пьют. Поначалу пили много, потому что... ну страшно. У нас есть Кулибины, у нас могут сделать брагу из всего, из чего можно сделать брагу. В довольствии всё-таки приходят и сахар, и какие-то другие там продукты. Умеют. Сами делают, плюс там... находят способ ходить у местных покупать, хоть это у нас и табу. Кто хочет, тот всегда найдет, по-моему вот это вот работает очень.

Андрей. У нас в подразделении было пару наркоманов. Ну скажем так, людей, которые курили траву, я вот в этих условиях даже не считаю наркоманами, потому что курили почти все, ну 80%. Вот, собственно, курили украинскую траву. В окопах её было очень много. Трофейная трава. Её просто сапёры, когда пошли вперёд всё проверить на предмет растяжек и каких-то вот таких вот вещей, нашли, пришли, утыканные травой у них в карманах, на касках, ну, короче, они как... Дед Морозы. Да, вот. как бы было вот пара реальных наркоманов которые, видимо, сидели на игле до всего этого. Они вообще были бесстрашные, то есть вот с ними не было хотя бы страшно, что они там струсят, убегут там или еще что-то, ну вот в этом плане они были красавцы на удивление, хотя казалось бы люди вроде так себе.

Даня. Меня Андрей привез, когда я уже сидел и скрывался, дал мне свою форму, его забрали, но отпускали временами домой ночевать. И он решил мне помочь в плане того, чтобы я одел его в форму и поехал в город, чтобы хотя бы там кофе попить или посмотреть, что с городом, как происходит. Это спустя уже три месяца или четыре. И мы заехали на рынок просто за продуктами какими-то. И мне стало очень плохо, некомфортно, как будто... Ну, меня очень злили люди. Злоба появляется внутри, когда я вижу людей, толпы. Или мне стало некомфортно, неудобно, как будто все они смотрят на меня. Или же чего-то ждут от меня, а я не знаю чего.

МОНОЛОГ УКЛОНИСТА

Даня. Ментально я нахожусь в каком-то куполе или даже не куполе, а какой-то оболочке, где внутри нормально, но за оболочкой чуть-чуть метр и уже все ненормально, как око тайфуна. В одну секунду ты можешь себя хорошо чувствовать, а во вторую секунду тебе хочется кого-то или убить, или самому убиться.

Ну, я осознанно прячусь, чтобы меня не забрали на войну, чтобы автоматом в затылок не толкали вперед, чтобы я шел на передовую воевать с теми людьми, которые тоже не хотят воевать, болванчиком против болванчиков. Ну, как-то не вяжется это в моем мире, убивать, чтобы защитить.

В феврале и марте видел, как знакомые выпадают из связи, исчезают.

И я согласился на авантюру переехать в багажнике к друзьям. Какое-то время я жил там на одном этаже и там был мой друг. Мы шутили, разговаривали про эту ситуацию. Ну, короче, это был человек, который разделяет мои взгляды.

Почему я сказал «был»? Потому что он уехал. Он несовершеннолетний был и его удалось вывезти. А вот когда он был, мы развлекались. Там, не знаю, подушками играли, бесились. Много тренировались в спортзале, там внизу в подвале был спортзал. Два дня у нас был отдых в неделю, а все остальные дни мы качались. Штангу поднимали, руки качали, пресс там, прыгали, бегали на месте. Да, это было новое для меня, потому что я не был прямо спортивным. Когда качались, мы держали друг другу штангу, страховали. А потом я остался один. И как-то был случай. Когда я не мог уже опустить штангу на стойку. И она мне на грудь. Я сразу думаю, вот так я сдохну что ли?

Я вот как раз проколол уши, когда прятался, там, в задней комнате. Мастера вот, привезли, и человек согласился. Вот опять же, она поняла ситуацию, что прячусь. Я не чувствовал осуждения. А родители потом увидели - Ой, это вообще. А зачем? А почему? Ты шо, девочка? Сними - война сейчас... И каждый раз мне говорят, ну зачем ты проколол уши? Да потому, что я так захотел. Очень всё просто, тут нету никакого подтекста. Я так захотел, я почувствовал, что я могу хоть что-то решать. Вот этого стереотипа - мужик должен быть бородатый, вот этого я не понимаю. Да потому что, потому что этот же мужик был ребенком, да, его вырастили, а потом блять на войну ушел, потому что он же мужик, он должен решать дела, какой важный.... Он ничего не будет говорить, что он чувствует, он же мужик, он будет зарабатывать деньги, он должен то, то, то, то, потому что он же кто, он мужик. Война идет, какая блять жизнь, нахуй воевать иди, ты ж мясо, иди нахуй, иди.

Катя. Донецк стал городом женщин, не было мужчин на улицах, это было очень страшно. За рулем везде были женщины. Женщина с правами и с машиной, это просто было бинго, как бы привилегированное сословие. Но такого количества женщин с водительскими правами не было, чтобы, допустим, город нормально жил... грузовики не могли приехать привезти продукты. В магазинах грузчиками работали подростки 14-15 лет, такси не вызовешь, кран потек - не отремонтируешь, эвакуаторов нет, даже скорую не вызовешь особо, починить газовое оборудование невозможно, если сломалось что-то, газовиков тоже всех забрали. Это очень депрессивно выглядело. То есть на самом деле, когда не оказалось мужчин, часть мужчин забрали, часть спрятались, оказалось, что это очень сильно видно на теле города. То есть очень не хватало людей. Хотя учреждения должны были отдавать только 50%, но многие

выпендрились и отдали 80% мужчин. И мы как будто были объединены каким-то... как будто мы объединены бедой.

Андрей. Я психанул. И пошёл в штурмовики. Ну... забодала меня охранная вот эта фигня, в которой шел жесткий дерибан, когда просто выносили все и отовсюду. Допустим тебе поручают поехать в военкомат, собрать матрасы все которые там есть, для того чтобы было бойцам спать комфортнее. А вы помимо матрасов прихватили кучу всякой херни, которая нахрен никому не нужна. Глобус классный, офигенный, из красного дерева или из какого-то дерева. Это мы подарим тому-то, а это мы подарим тому-то. А вот это мы заберем 28 калькуляторов, потому что у меня жена бухгалтер. Я сейчас не вспомню, что было последней каплей. Постоянное сливание бензина с машины, которая никуда не ездит. Капель было много, в какой-то момент я просто психанул. Ну, штурмовики как минимум не занимаются этой фигнёй. Не знаю, чем я думал. Штурм психа. Брата я не звал, он сам за мной пошел. Он сказал, что мы пришли вместе и уйдем вместе. Мы пообещали друг другу если что добить, чтобы не остаться калекой или инвалидом.

Но в реальности я до последнего спасал брата, потому что проще потом слушать, что ты скотина, не сдержал обещания. Ну, и он, наверное, точно так же сделал бы. Наверняка, да. Но, во всяком случае, то, что, ну, пообещали, как-то легче от этого было, знать, что ты не останешься инвалидом. Просто, допустим, на случай плена у нас всегда были гранаты, чтобы подорваться. Но когда тебя ранило, ты же не всегда имеешь такую возможность.

Неприятное самое было... Паковать друзей в пакеты и выносить их потом. Потому что... Ну, это грустно. У нас когда к ребятам в блиндаж прилетело, и четверых разорвало на кусочки. Мы пошли и собрали их в пакеты, упаковали. А вот получается командир их группы, вот этих вот ребят, он просто все, вот он сел, молча, не двигаясь, уставившись в одну точку, так просидел, наверное, около часа. Ну и вот толку от этого человека, в принципе, в дальнейшем не было. Он ходил какой-то потерянный, ну очень расстроенный. Он не пил, потому что было нечего пить 100%. Но вот ощущение было, что человек в ступоре, как после алкогольного опьянения, и не может ничего не сказать, ничего думать, ничего. При том, что взрослый дядька, лет 50, наверное, было тогда.

Клим. Ой, короче, да, было, было всякое. Сейчас уже тоже как-то все это начинает замыливаться в воспоминаниях. Я после боя в больницу попал, вот да, в психиатрию, нас получается повезли по больницам и...ну там какое-то количество, да, наверное человек 15 точно. Помню один убежал прямо из больницы когда-то там исчез и испарился, и все, его не нашли. А я лежал, получается, меня направили в Донецк на госпитализацию, я лежал где-то около месяца наверное. Мне сказали, так, у тебя категория В, ограниченно годен, ты типа должен обратно возвращаться в часть. Все, ни документов никаких,

ничего, то есть никакой бумажки не дали, ну, тогда была просто вот какая-то неразбериха такая была, но многих списали тогда, а меня нет.

Диагноз: стойкая и выраженная реактивная депрессия, рекуррентное депрессивное расстройство.

Анамнез заболевания (Из медицинской карты). Поступил на стационарное лечение в республиканскую психиатрическую больницу, впервые в жизни, по направлению и после осмотра врача-психиатра, в связи с затяжным течением заболевания, неэффективностью амбулаторного лечения, ухудшением общего состояния. На госпитализацию согласен. В феврале 2022 года был мобилизован, принимал участие в боевых действиях. Неоднократно помогал убирать из окопов фрагменты тел погибших товарищей, ощущал угрозу для жизни, на глазах пациента погибали товарищи, ощущал страх, тревогу, переживал о своем будущем, беспокоили навязчивые воспоминания о военных событиях в течение дня, нарушился ночной сон, появились кошмарные сновидения с картинками боя наяву... Выписан из отделения без существенной динамики.

Андрей. Мы вообще пакеты с телами никак не подписывали, мы просто передавали данные, кто погиб. А пакеты отдельно. Оpozнавали их по лицу или не опознавали, я не знаю. Вообще, как бы, с этими погибшими, ну, с одним из них, была такая грустная история, что он звонил с телефона другого сослуживца, своей жене. Вообще, мужик в шестнадцатом году, по-моему, уехал в Москву, вот, и там работал, купил машину, вот, а сюда приехал по каким-то делам. И попал в мобилизацию, его прихватили, вот, и получается, он звонил с телефона сослуживца жене, у него деньги на счету закончились. И когда он погиб, получается, спустя, наверное, месяц-полтора, его жена позвонила на телефон сослуживца и говорит, а вот Юра звонил, а я не могу ему дозвониться. Ну и сослуживец говорит, так Юра погиб еще месяц назад. И вот за это время ей так и не сообщили, что он погиб.

В Мариуполе мы вообще тела наших ребят складывали в контейнеры. В обычные контейнеры, железные, как на строительных рынках. И складывали навалом. И как-то какому-то идиоту сказали приехать посчитать. Мы ему говорили, что там не посчитаешь. В закрытом контейнере запах был отвратительный, а когда его раскрыли, всё оттуда потекло. И он понял, что так не посчитать, потому что тела вперемешку. Я даже не знаю, сколько там человек вот так вот друг на друге лежало. Как их потом вообще опознать можно было, кроме как по ДНК.

Клим. И я вот убежал, ушел из части. Нас там отправили на такие позиции где постоянно были новости что вот ребят просто уничтожали, просто уничтожали. Если прорывались, то... Да, вот, допустим, ты с человеком в этом находишься, в блиндаже, и они теперь все погибшие. И прям... Прямо такие вот подробности

рассказывали, что у кого было прострелено. Это, конечно, было очень ужасно слышать, потому что ты этого человека знал, ты с ним, грубо говоря, жил в одной комнате, а потом ты такое о нем узнаешь. Это очень как-то на нервы действовало. Тяжко. Я вообще пацифист по ходу дела.

СМС рассылка от комиссариата от 25 сентября 22 года. Уважаемые земляки, приближается исторический момент, когда Донецкая Народная Республика войдет в состав Российской Федерации, а затем и Народная Милиция в состав Вооруженных Сил Российской Федерации со всем материальным обеспечением, социальными гарантиями и денежным довольствием, а к военным служащим самовольно оставившим военные части будут применяться ужесточенные меры наказания согласно Российского законодательства. Управление Народной Милиции рекомендует дезертирам вернуться к местам несения службы.

Андрей. У нас были аптечки с собой. Но аптечки у всех были разные, потому как все, что нам давали... Ну, нам, правда, давали промедол. У всех была ампула промедола. И был жгут. Но жгут был плохой, обычный. Поэтому, ну, кто был пособразительнее или, может, как-то серьезнее к этому относились, аптечки набивали сами. У меня в аптечке был турникет, чтобы было удобнее перетягивать раны. Не жгут вот этот резиновый, а более удобная штука, которая не скользит и надежнее останавливает кровь. Правда, когда брата зацепило, турникет мне, к сожалению, не помог. Потому что дыра была такая, что турникет просто там некуда было натянуть. Ну а так, как бы, промедол я ему вкалывал еще прямо там. Ну и, как оказалось, понятия мужиков не осталось, потому что когда нас начали артиллерией бомбить и у нас было много раненых, в том числе вот мой брат, найти человека, чтобы вытащить его на плащ-палатке, было очень тяжело. Я его боялся тащить на руках, потому как у него рука болталась на мышцах. Мне было страшно, что я где-нибудь споткнусь просто и она оторвется.

Даня. Еще был момент, что меня, короче, очки я раздавил. Кажется, да, кажется, раздавил. И мне надо было оправу и... Моя подруга приехала, договорилась с оптикой, с женщинами, которые там работали, что привезет того, кто прячется. Они согласились. Меня под заднее сиденье положили, накрыли... Меня подруга накрыла одеялом. Она подвезла машину прямо ко входу, я быстро вышел и сразу в оптику забежал. И они закрыли оптику и одного меня обслуживали, измеряли зрение. И все нормально прошло.

Катя. Вообще элементарно было договориться. Все это сделали, открыли оптику, я его выгрузила. Вот как бы так, город жил вот так вот. Парикмахера я тоже возила, она сама прятала своего мужа и ездила по таким мужчинам, которые прячутся, подстригала дома. То есть вот так договаривались. Была какая-то солидарность, и мы понимали, что произошло что-то больше нас,

примерно как стихийное бедствие. И мы сопротивляемся этому как можем. Выглядело так, что кто-то пострадал, кто-то попал, кого-то поймали, остальных прячем. Остальные - держимся, стараемся, грубо говоря, держать строй. А сейчас вообще город выглядит по-другому. Город выглядит очень неухоженным, бедным, несчастным, при том, что мы завалены деньгами и не знаем, куда они деваются. Наш город просто разрушается, разрушается, разрушается, при том, что всё как будто бы строится, в нём строится и строится

Даня. Когда первый раз пошел в магазин. Один, после года взаперти. Волнение было, везде переглядываюсь. И... Захожу в магазин «Мир» называется. Я захожу в этот «Мир», смотрю, людей мало совсем. Что-то купил. Но я, что интересно, чем ближе подходил к тому месту, где я как раз этот весь год провел, тем быстрее я ускорялся, чтобы дойти быстрее. Ты воспринимаешь, что тебя город отталкивает. Потому что общая мысль города другая, чем та, которую я принимаю, которую я думаю. Ну что ты идешь, смотришь, вот где-то заброшенное было на ЖД пространство. Вот просто заброшенное, или туда попало, или там разбитое. Починили. И ты не знаешь, что там будет, и ты радуешься. Вот, починили, супер. А потом плакат ВОЕНТОРГ. Ты такой, твою мать. Это чтобы люди покупали амуницию. Донецкие люди покупали амуницию, ехали на передовую, кто-то погибал, а кто-то разрушал там где-то здание. Здесь построили военторг, чтобы вот там разрушать, там построили тоже что-то, чтобы здесь тоже что-то разрушать. И это просто цикличность.

Андрей. Разочарование в людях очень сильное. И в том, что люди очень слабые с одной стороны, в том, что люди очень подлые с другой стороны. Ну, как бы слабые, это вот про то, что хоть и кричат, что своих не бросаем, бросаем очень легко. У меня был эпизод, когда нас послали вытаскивать раненого. Мы попали в засаду и получается у нас три паренька подорвались, прямо вот вообще от них практически ничего не осталось. А одному парню оторвало две руки по плечо, при том что одна рука ее вообще оторвало полностью а вторая рука болталась на коже то есть была кисть было плечо а все что между ним отсутствовало. Я приполз к нашим основным силам, ну и командир нашего отряда сказал, что ну дотащить мы его все равно не дотащим, поэтому уходим. Я все равно вернулся и попытался его вытащить, нашел на помощь товарища. Но тот был невысокого роста, худенький, мощи в нём тоже особой не было. И мы когда вдвоем тащили этого паренька, он зацепился ногой за корягу, с него слез кроссовок. И он такой, пацаны, я, кажется, кроссовок проебал. Мы такие, Прокоп, это сейчас вот меньшее, что тебя должно беспокоить. Но и когда второй товарищ сказал, что он больше тащить не может, а я понимал, что я одной рукой его просто никак не выдерну, я же побежал сказать, что нужен кто-то покрепче. На что мне сказали, что мы его все равно живым не донесем, а в отступлении он будет обузой, поэтому разворачиваемся и уходим. Ну и опять

же, дальнейшая судьба мне неизвестна этого парнишки. Истек он как бы сам кровью и умер, или его добил кто, но в общем своих бросаю и очень даже.

Клим. Да я же, честно, живу как бы каким-то одним днём. Я дело в том, что и хочу уйти отсюда, но как это всё, я не знаю, как это всё сделать. Ко мне сюда никто не приходит, это я в первый раз вышел. Сейчас строгий контроль получился... Видимо, из-за того, что у нас много случаев побегов. У меня есть гитара тут. Есть балалайка, есть, гармоника есть. Раньше, когда жил в большой комнате, там я как-то часто занимался и пел, устраивал вечера, тогда все это было нужно... а сейчас как-то все сошло на нет. Я последний раз играл на 9 мая, сейчас хотел еще, но мне сказали, что не стоит. Как-то так. Я от этого себя чувствовал более как-то бодро. Меня, кстати, прозывают Интеллигентик. Некоторые люди так меня и называют. Даже не интеллигент, а Интеллигентик. Я же еще и танцами занимался. Бальными. Очень профессионально. Ну я как-то сейчас пытаюсь...восстановить. Ну, когда никто не видит, я там как-то пытаюсь прямо в военной нашей части.... Я даже себе туфли купил новые. Прямо латинские, с каблуком. Просто мне как-то вот какой-то душевный порыв. Мне всегда этого хотелось.

Саша солдат. СМС Катя. 26 декабря 2022

Носик всегда со мной, он помогает и вытаскивает из жути в тон света)
Кать, вот что осознал, нос имеет два смысла, одно - это маска, где можно чудить, отпуская себя в игру и нос есть суть глубина, когда он, словно водопад, попадаешь в эту струю и идет очищение.
Короче, безумно жажду душ, горячий!

Катя. Он такой был забавный клоун, потому что он худой, высокий, какой-то немножко несуразный. И вот он приезжал ко мне, когда давали увольнительную в Донецк, стираться, купаться. У нас же в Донецке ситуация очень плохая с водой, у нас воды нет, дают раз в три дня, по два часа. А я живу в таком месте, там, где водовод идет, который не прерывается, и у меня в доме всегда есть вода. И вот мы разговаривали. Вот за несколько таких раз у нас три такие были встречи, разговоры. Это было... Ну, с одной стороны, я понимала, что для него это самое главное, что его кто-то ждёт в Донецке, что вот он приезжает и... ну вот по-настоящему может искупаться, помыться и потом уже навещать или не навещать дочку, потому что он с женой в разводе.

Клим. Ну, мама, может быть, уже смирилась за эти годы. Конечно, ей тяжело. А вот когда еще отец заболел и не смог как бы выздороветь, в общем, когда умер, то есть, конечно, ей совсем было тяжело, совсем тяжко. Я был здесь, да. Получается, отец... Я был далеко. Далеко. Меня отпустили. Я приехал... Меня отпустили на два или на три дня для того, чтобы в больницу отца помог... Но так

получилось, что он слёг, и через несколько дней, или пять, у него был опухоль раковая, в общем, он...

Так с отцом и не получилось поговорить толком. Мы, ну когда вот я в 22-м там ушел, мы и не общались, ну я имею ввиду, ну не по телефону. И последний год я не был близко к нему по сути... Так оно вот всё и получилось.

Саша ребенок. Часто очень думаю, как бы всё было, если бы не произошло ничего. Особенно когда играю вот эти старые произведения на гитаре. Я два произведения играю, которые во мне такие мысли возбуждают. «Тёмную ночь» и «Город, которого нет». И я вспоминаю разные вещи, когда их играю. Потому что я четко помню, как мой папа играл одно из этих произведений. И оно из-за этого кажется таким взрослым. И в то же время детским из-за того, что так приятно было из другой комнаты, ну, складывая origami или чем-то подобным занимаясь, это произведение слышать в его исполнении, а потом кушать с ним и Олегом шарлотку.

Просто понимаешь, что здесь вообще нет выигрышных вариантов. Что и те, кто были мобилизованы, и те, кто прятался, и те, кто... Мне иногда попадает в каких-то соцсетях то, что выкладывают мои одноклассники, просто какие-то... Они все были достаточно умными ребятами, с которыми было интересно говорить, а сейчас просто какую-то жуть выкладывают. Что-то настолько плоское и действительно тупое. Просто что на всех эта война отразилась. И неважно, были они мобилизованы, прятались или по возрасту не проходили. На всех это отразилось, и это очень больно видеть.

Даня. Много девушек, которые, какая-то ужасная фраза, “под военными ходят”. Это очень стало заметно, когда видишь - военный, как-то он с девушкой ходит там, и девушка прям пипец как одета, прям вообще там макияж, просто это очень сильный контраст. Вот он такой в форме, бородатый, глаза уставшие, такой с пузиком, такой массивный, и идет рядом девушка, и она как модель, и этот контраст просто говорит тебе, ну, ты не веришь такой любви. Естественно, есть где-то любовь. Я надеюсь, что она есть где-то. Но ты как будто не у дел, не ты выбор этих девушек. У тебя нет столько денег, сколько у них... Да, что ты просто представляешь грязный презерватив. Ну, как бы что-то ненужное, и что ты не можешь дать то, что они могут дать, стабильности где-то. Вот и всё.

Клим. Я вот до сих пор не могу понять. До сих пор не могу понять, что это, как это всё. Почему нас такая участь постигла? Я не знаю из-за чего. Я что-то тоже, ну, насчёт себя думаю. Вот я как бы... Я всегда какую-то радость нёс людям, какое-то творчество пытался организовывать, музыкальные моменты. Я же ничего такого не делал, никого не насиловал, никого не принуждал ни к чему. Ничем таким не занимался, я имею в виду, чтобы меня какая-то кара постигла. И тут так вот, я не знаю, что это такое, вообще не знаю.

Грустно как-то всё это. Но это же как бы не стихийное бедствие, это же людьми сделано как-то, непонятно. И вот у нас тоже вот многие ребята говорят, когда эта вся ложь закончится, потому что это всё ложь. Это всё начиналось с лжи и сейчас это всё продолжается. И все вот эти вот деньги, которые там платятся, мне кажется, это всё так.... Ну, они, может они не приносят столько счастья, как когда ты их зарабатываешь каким-то таким вот своим, своим реально любимым делом, творчеством, как вот я, допустим, зарабатывал.

Саша солдат. Наверное, я еще в поиске себя. Вот эта вся ситуация очень точно мне сказала о том, что я ищу себя, точно ищу. Потому что как бы вешать ярлык или такую некую маску, что вот когда я работал в школе, то я был тьютором, работал в бизнесе, был предпринимателем, директором. Или там актером. Вообще я сейчас именно в поиске. У меня нет такого, что я солдат. Я точно себя солдатом не воспринимаю. Это не моя маска. Может быть, как бы слово воин, но воин чего-то другого. То есть оно как-то больше мне отзывается. То есть не хочу там говорить добра, зла, каких-то таких моментов. Но что-то воинственное во мне оно однозначно просыпается, потому что это спасает мою жизнь. Именно мою. Как бы это не эгоистично звучало, но я люблю жить. Мне хочется жить. То есть я ненавижу эту войну, да? Соответственно, я просто люблю жить.

Катя. Его останки нашли только через 40 дней после того, как он погиб. Война там сейчас такая, что получается, если человек остается погибший между этими позициями, то его очень долго не выносят. Тело остается там. Его сослуживец сказал, что он был ранен, его не смогли достать, он потерял сознание, и значит, скорее всего, он истек кровью и погиб. И мы поехали с его женой туда, в Горловку. И в общем-то мы думали, что это будет опознание какое-то. Но на самом деле опознания никакого не было. Показали фотографию руки. И когда мы спрашивали, можно ли ДНК, потому что мы думали, что мы у его дочки сделаем анализ ДНК. Нам сказали, что там привезли КАМАЗ, полный мешков, выгрузили, если мы хотим, мы можем покопаться, поискать. Его жена рассказывала, что когда созванивался с ней, он говорил, что вот первое дело, что он сделает, когда демобилизуется, он поедет с ними на море. И он извинялся и говорил, что знает, что наверстать все это будет сложно, но он хочет быть рядом с ней, рядом с ребенком и наверстать все то, что как бы по дурости пропустил. Годы взросления девочки, вот.

СМС от Кати 22 апреля 2023. Похороны Саши в среду. Кладбище Южное. Время ориентировочно с 11.30 с корректировкой, так как везти будут из Горловки.

Надпись на могиле. “Учитель” Саша солдат. 09.09.1979-03.03.2023. У каждого свои звезды.

Катя. А к новому году, получается, я сына привезла, нормальной же меня не назовешь, да, привезла в Донецк, чтобы мы здесь отметили новый год все вместе. Это было так здорово, но были очень сильные обстрелы. А у нас назад был билет с ребёнком, по-моему, мы первого должны были уже выезжать. И мы собирались, и мне ребёнок говорит, мне так понравился этот Новый год, так было трогательно. Я говорю, «Слушай, ты, наверное, не слышал обстрелы?» Он говорит, «Я слышал. Я проснулся от обстрелов, слышал обстрелы и был такой счастливый, что мы сейчас погибнем все вместе, и нам не придётся расставаться больше». Я думала, что он спокойно спит. В этом году это был последний, правда, совместный Новый год в Донецке. Ему уже 18 лет будет в августе, теперь же я уже не завезу его. Вдруг мобилизация и все.

Конец